

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

THE GENESIS AND EVOLUTION OF RUSSIAN CONSERVATISM IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX-th CENTURY

A. Minakov

The article describes the specific features of Russian conservatism in the first quarter of the XIX-th century. Russian conservatism was a reaction to the liberal reforms initiated by autocracy at the beginning of XIX century. The author analyses the main aspects of the activity of early Russian conservatives: their centres, ideological trends, peculiarity of their views, their influence on the internal politic of autocracy.

Keywords: Russia, social-political thought, conservatism, westernization, Gallomania, nationalism

Минаков Аркадий Юрьевич

доктор исторических наук,
директор Зональной научной библиотеки,
Воронежский
государственный университет

Аннотация:

В статье рассматриваются особенности русского консерватизма в период его возникновения и становления в первой четверти XIX века. Он был реакцией на реформы и либеральные замыслы Александра I. Автор анализирует основные аспекты деятельности ранних консерваторов: их центры, идеологические течения, особенности их взглядов, влияние на внутреннюю и внешнюю политику самодержавия.

Ключевые слова:

Россия, общественно-политическая мысль, консерватизм, вестернизация, галломания, национализм

Наибольшую роль в первое десятилетие XIX века и в 1812–1815 гг. в складывающемся консервативном течении ("русской партии") играли такие фигуры, как А.С. Шишков (1754–1841), Ф.В. Ростопчин (1763–1826), Н.М. Карамзин (1766–1826), С.Н. Глинка (1776–1847), великая княгиня Екатерина Павловна (1788–1819). Теоретическая и практическая деятельность этих ранних русских консерваторов была вызвана к жизни теми угрозами, которые несли традиционному самодержавному, православному и патриархальному укладу России идеи Просвещения, либерализм, революционный радикализм, западничество (в форме галломании) и, в особенности, наполеоновская агрессия.

В 1803 г. вице-адмирал А.С. Шишков в трактате "Рассуждения о старом и новом слоге российского языка" сформулировал основные постулаты нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам; необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), изучение русского языка во всех его ипостасях; патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии; борьба с галломанией и космополитизмом. Таковы были основные составляющие консерватизма в трактовке, данной Шишковым [1, с. 18–19]. Его взгляды были реакцией на "галломанию" русского образованного общества. "Галломания" – ориентация на французский язык и французские культурно-поведенческие модели – явилась провокативным фактором для становления русского консерватизма. При этом главную роль играло то

обстоятельство, что французскую культуру второй половины XVIII в. Шишков и его единомышленники не без известных оснований считали "ответственной" за Французскую революцию и крайности якобинского террора.

В 1811 г. Шишков написал работу "Рассуждение о любви к Отечеству". В ней он резко критиковал галломанию и космополитизм русского общества. В тот момент подобные взгляды оказались максимально востребованы самодержавной властью и дворянским обществом (подобного рода взгляды были популярны также в среде духовенства и купечества, средних городских слоев, т. е. главных носителей традиционалистских умонастроений).

Публичное чтение "Рассуждения о любви к Отечеству" в официальном обществе "Беседа любителей русского слова" резко изменило судьбу Шишкова. В апреле 1812 г. он был назначен на исключительно важный пост государственного секретаря вместо М.М. Сперанского, которого накануне постигла опала. На этом посту Шишков должен был находиться при Александре I в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и других бумаг императорской канцелярии. По своему статусу он стал вторым человеком в империи, хотя его функции были существенно урезаны в сравнении с теми, которые выполнял Сперанский. Фактически Шишков сыграл роль своего рода главного ратора Отечественной войны 1812 г. Манифесты, составленные им, являлись откликами на все ее важнейшие события и зачитывались по церквям населению империи. Французы и Наполеон избражались в них как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция как вселен-

ская катастрофа. Противостояли этим явлениям те консервативные ценности, которые отстаивал Шишков: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм. "Высокий стиль" манифестов Шихкова оказался столь удачной находкой для самодержавной власти, что в какой-то мере влиял на стилистику манифестов вплоть до 1917 г.

Не меньшую роль в означенный период сыграл выдвигенец Павла I – Ф. В. Ростопчин. Будучи поначалу деятелем едва ли не с "галломанской" репутацией и инициатором союза Павла I с Наполеоном, он позднее выступил в качестве одного из главных пропагандистов и практиков русского консервативного национализма. В 1806–1807 гг. пребывающий, подобно Шишкову, в опале (он был верным слугой Павла I и открыто порицал Александра I за косвенное участие в убийстве отца), Ростопчин стал вторым по значению лидером русских консерваторов. В 1807 г. вышел его знаменитый памфлет "Мысли вслух на Красном крыльце", имевший шумный успех в обществе. Это был своего рода манифест складывающегося русского национализма. Основная мысль этого произведения носила антифранцузскую направленность: "Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, принятая за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно – только не будь на Руси" [2, с. 148].

Причиной подобных суждений Ростопчина было, как и у Шихкова, неприятие опыта Франции, бьющейся к тому моменту уже почти два десятилетия в судорогах революции, террора и захватнических войн, начиная с 1789 г. Обличая "галломанию" русского общества, Ростопчин, вслед за Шихковым, указывал на необходимость искать примеры для подражания в собственном русском национальном опыте: "чего у нас нет? Все есть или может быть. Государь милосердный, дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый. А какие великие люди в ней (России – А. М.) были и есть! Воины: Шуйский, Голицын, Меньшиков, Румянцев, Орлов и Суворов; спасители отечества: Пожарский и Минин; Москвы: Еропкин; главы духовенства: Филарет, Гермоген, Прокопович и Платон; великая женщина делами и умом – Дашкова; министры: Панин, Шаховской, Марков; писатели: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Карамзин, Нелединский, Дмитриев и Богданович. Все они знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского" [2, с. 150]. "Мысли вслух на Красном крыльце" были изданы несслыханным для того времени тиражом в семь тысяч экземпляров. Благодаря своей литературной деятельности, Ростопчин выдвинулся в первые ряды так называемой "русской партии".

Главным центром этой "партии" был тверской салон любимой сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны. Она отличалась умом, образованием, честолюбием и широкими связями, оказывала немалое вли-

яние на своего венценосного брата. В предвоенные годы "тверская полубогиня" (выражение Н.М. Карамзина), противостояла либеральным устремлениям своего царственного брата и М.М. Сперанского. Кроме того, она была яркой ненавистницей Наполеона. При дворе Екатерины Павловны в Твери образовался политический салон, участниками которого были французский философ и писатель Ж. де Местр, Ф.В. Ростопчин, Н.М. Карамзин, генерал П.И. Багратион, известный археолог и публикатор древних рукописей граф А.И. Мусин-Пушкин, поэт И.И. Дмитриев и др. Это были люди с явно выраженными консервативными убеждениями.

Центральное место в своем салоне занимала сама хозяйка. В своей деятельности она руководствовалась некоторыми основными положениями, вообще свойственными для русской консервативной мысли. Великая княгиня была женщиной, искренно ненавидевшая все, что ассоциировалось с революцией. Она была убеждена в великой исторической миссии русского самодержавия, считая конституцию совершенным вздором, а абсолютную монархию – идеалом государственного устройства не только для России, но для западноевропейских государств. Достаточно, считала она, государю показать свою личную энергию, чтобы завладеть неограниченной властью: "хорошие законы, которые исполняют, вот лучшая конституция" [3, с. 74]. Россия, с ее точки зрения, должна быть гегемоном в Европе. Для Екатерины Павловны, как для и большинства русских консерваторов того времени, характерно было неприятие галломании. В целом подобные взгляды были несвойственны подавляющему большинству членов династии Романовых, в первую очередь императору, в то время исповедовавшему либерально-космополитические взгляды.

В письме к Н.М. Карамзину от 13 ноября 1812 г. Екатерина Павловна с гордостью заявляла: "Россия была вторая в Европе держава, теперь и навеки она первая, и скоро к стопам ее прибегнут цари, моля о мире и покровительстве. Веселитесь мыслью сею, она не мечта, но истина" [3, с. 59]. В другом письме от 21 ноября 1812 г. она писала Карамзину: "Россия восторжествует над всем миром, ибо ей будет принадлежать честь произнесения последнего приговора над врагом. <...> Вы пишете историю прошлых времен; если вы ее продолжите до наших дней, то вот вам случай для чудного повествования: Россия, в борьбе со всеми соединенными силами Европы, как будто склоняется перед их бурным потоком, но скоро вновь воздвигает державное чело свое и является во всем блеске и величии. Можно гордиться, что мы русские; по крайней мере, этим чувством наполнена моя душа" [3, с. 60–61]. Эти мессианско-националистические высказывания великой княгини вполне согласовывались с ее декларациями о том, что "правительство должно видеть гарантию успеха в единении его со всеми сословиями народа и участии последних при изгнании неприятеля" [4, с. 52].

Именно благодаря поддержке Екатерины Павловны

русские консерваторы смогли перед войной выдвинуться на ведущие посты в правительстве и оказать давление на монарха с целью заставить его отказаться от либеральных преобразований. Так, именно по инициативе великой княгини Н.М. Карамзин подал в марте 1811 г. царю знаменитую записку "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях" – наиболее глубокий и содержательный документ зарождавшейся русской консервативной мысли. Историк С.К. Богоявленский справедливо утверждал: "Она охотно бы подписала свое имя под этой работой ("Запиской" Карамзина), под этой горячей проповедью самодержавия и осуждения либеральных реформ" [5, с. 193]. Наряду с обзором русской истории и критикой политики Александра I в "Записке" содержалась цельная, оригинальная и весьма сложная по своему теоретическому содержанию концепция самодержавия как особого и самобытного типа власти, тесно связанной с православной церковью.

С точки зрения Карамзина, самодержавие представляет собой "умную политическую систему", прошедшую длительную эволюцию и сыгравшую уникальную роль в истории России. Эта система была "великим творением князей московских" [6, с. 22], причем, в основных своих элементах она обладала качеством объективности, то есть слабо зависела от личных свойств, ума и воли отдельных правителей, поскольку представляла собой не продукт личной власти, а довольно сложную конструкцию, опирающуюся на определенные традиции, государственные и общественные институты. Вся система государственных и общественных институтов была, по Карамзину, "излиянием монаршей власти", монархический стержень пронизывал всю политическую систему сверху до низу. При этом самодержавная власть была предпочтительнее господства аристократии, которая могла стать опасной для государственных устоев, как, например, в удельный период или в эпоху Смуты начала XVII в. Самодержавие "встраивало" аристократию в систему государственной иерархии, жестко подчиняло ее интересам монархической государственности.

По словам Карамзина, исключительную роль в этой системе играла православная церковь. Она являлась "совестью" самодержавного строя, задающей нравственные координаты для монарха и народа, особенно в те времена, когда происходили их "случайные отклонения от добродетели". Карамзин подчеркивал, что власть духовная действовала в тесном союзе с властью гражданской и давала ей религиозное оправдание. Самодержавная система политической власти, согласно Карамзину, держалась также на общепризнанных народом традициях, обычаях и привычках, на том, что он обозначал как "древние навыки" и, шире, "дух народный", "привязанность к нашему особенному" [6, с. 32].

Карамзин категорически отказывался отождествлять "истинное самодержавие" с деспотизмом, тиранией и произволом. Он считал, что подобные отклонения от

"норм самодержавия" (в царствования Ивана Грозного и Павла I) были случайны и быстро устранялись инерцией традиции "мудрого" и "добродетельного" монархического правления. Эта традиция была столь мощной и эффективной, что даже в случаях резкого ослабления или полного отсутствия верховной государственной и церковной власти (например, во время Смуты начала XVII в.) в течение короткого исторического срока приводила к возрождению самодержавия.

Как резюмировал Карамзин, самодержавие является "палладиумом России", главным гарантом ее могущества и процветания. С его точки зрения, основные принципы монархического правления должны сохраняться и впредь, лишь дополняясь должной политикой в области просвещения и законодательства, которые вели бы не к подрыву самодержавия, а к его укреплению. При таком понимании самодержавия всякая попытка его ограничения была бы преступлением перед русским народом. Поэтому в "Записке" в крайне негативных тонах оценивалась деятельность М.М. Сперанского. Историки сходятся в том, что "Записка" Карамзина способствовала падению знаменитого реформатора.

Еще одним выдвиженцем Екатерины Павловны стал Ф.В. Ростопчин. После публикации "Мыслей вслух на Красном крыльце" он стал желанным гостем в ее салоне. Великая княгиня поставила себе задачу сблизить Ростопчина с императором. В ноябре 1809 г. Александр I посетил сестру в Твери и имел продолжительную беседу с графом. Результаты этого разговора сказались быстро. В феврале 1810 г. Ростопчин был назначен обер-камергером и членом Государственного Совета. 29 мая 1812 г. он был произведен в генералы от инфантерии и вслед за тем состоялось его назначение московским генерал-губернатором. Очевидно, что таким образом Александр I хотел заручиться поддержкой "русской партии" в критический для страны момент. "Русская партия" в данном случае была явно предпочтительнее "галломанской". На Ростопчина, наряду со всем прочим, возлагалась задача пробудить в Москве перед войной патриотические настроения: "действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и готовить его ко всем жертвам для спасения отечества" [7, с. 669].

Для выполнения этой миссии Ростопчин выпускал прокламации—"афиши", информирующие население о происходящих в стране событиях. Такие публикации в то время были беспрецедентным явлением и оказывали сильное влияние на народ. В них он сознательно преувеличивал известия о победах русских войск и старался сгладить сообщения о поражениях, стремясь не допускать возникновения беспорядков и грабежей, распространения панических и пораженческих настроений. В простонародье, в среде мещан и купечества, они читались с восторгом: "слова его были по сердцу народу русскому" [8, с.13]. Что касается дворянского общества, то его отношение к афишам было неоднозначным. М.А.

Дмитриев, называя их "мастерской, неподражаемой вещью", писал, что Ростопчина "винили в публице: и афиши казались хвастовством, и язык их казался неприличным" [8, с. 13].

С Ростопчиным был тесно связан еще один идеолог "русской партии" – С. Н. Глинка. После заключения Тильзитского мира 1807 г. мало кому известный драматург и переводчик выступил в роли публициста и издателя. Его "Русский вестник" стал журналом, который наиболее ярко и полно выразил основные идеи национально-консервативного направления того времени. В нем рассматривался самый широкий круг проблем: от религиозно-философского осмысления мира до проблем воспитания детей в "русском духе". Глинка стремился пробудить у читателей интерес к отечественной культуре, много писал о ее ценности и самобытности. В журнале популяризировались деяния выдающихся людей России, ее героев и гениев. Одна из основных идей Глинки заключалась в том, что русская культура еще до Петра I обладала высоким уровнем, поэтому она не нуждается в каких-либо заимствованиях и должна развиваться собственным путем. С ростом антифранцузских настроений Глинка начал пропагандировать идею о превосходстве всего русского перед иностранным. Он подверг критике русское дворянство за "галломанию", которая, как он считал, являлась переходной формой к либерализму и революционному радикализму. Главным средством от "галломании", порождавшей испорченность нравов, Глинка называл добродетели, которые были свойственны предкам в идеализируемую им допетровскую эпоху. Дополнительными средствами от "галломании" должны были стать "русское воспитание", стержнем которого являлось изучение мифологизированной в героическом стиле русской истории, обращение к "старине" и русскому прошлому, отказ от французских мод и предметов роскоши, разоряющих русское дворянство и приводящих к упадку общественной нравственности. Во многом аргументы Глинки повторяли и развивали взгляды А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина. В его "Русском вестнике" сотрудничали Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, Е.Р. Дашкова, брат издателя – поэт и публицист Ф.Н. Глинка и др. Спустя десятилетия "Русский вестник" был возрожден крупнейшим консервативным идеологом своего времени М.Н. Катковым.

Отечественная война 1812 г. стала временем наибольшей популярности Глинки, именно в это время масштаб его деятельности, общественной и публицистической, был особенно велик. Он был пожалован высочайшим рескриптом в кавалеры ордена Св. Владимира четвертой степени за "любовь к Отечеству", "доказанные сочинениями и деяниями". Кроме того, ему были вручены 300 тыс. руб. на издательскую деятельность, сумма по тем временам гигантская. Глинка не только не потратил ни рубля казенной субсидии, но, напротив, заложил драгоценности своей жены для того, чтобы снарядить в ополчение около двадцати человек. По окончании войны деньги были возвращены Глинкой в казну. В событиях 1812 г. в Москве

он играл роль "рупора" Ростопчина, народного трибуна, агитатора и пропагандиста. В своих позднейших воспоминаниях Глинка писал о том, что каждый день встречался с Ростопчиным и выполнял его тайные поручения, подвывая свою жизнь опасности [9, л. 1 об.–2].

Анализ вклада главных идеологов и практиков русского консерватизма в события 1812 г. и сопутствующих ему лет показывает, что именно эти годы стали переломными в становлении этого идейно-политического направления. В кадровой политике верховной власти по сути дела произошел "тектонический" переворот: вопреки своим либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с нелюбимой ему "русской партией": вторым по статусу человеком в империи стал А.С. Шишков, а лидером "второй столицы", с неограниченными полномочиями – В.Ф. Ростопчин. Между тем, первые одиннадцать лет царствования Александра I консерваторы пребывали в опале, не имея каких-либо шансов занять сколько-нибудь заметное место в "верхах". Напомним, что в 1812 г. их стремительное возвышение сопровождалось компрометацией и полной утратой политического влияния знаковой для русского либерализма того периода фигуры М.М. Сперанского. Все эти обстоятельства ярко иллюстрируют тот факт, что русский консерватизм, изначально имевший галлофобскую окраску, оказался максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем потребность в нем была столь велика, что из "маргинального" течения он превращается в ведущее, вытеснив те идеологические модели, которые были характерны для просвещенного абсолютизма, а чуть позже – для политического мистицизма в духе "евангельского" государства и Священного Союза. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, во многом объясняются исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галлофобия дала мощь и силу русскому консерватизму на начальном этапе его становления. Таким образом, консерваторы периода Александровского царствования – "дети 1812 года" в не меньшей, а скорее, в гораздо большей степени, чем декабристы.

Анализ взглядов ранних русских консерваторов показывает, что, несмотря на некоторую неясность их представлений и существенные противоречия между их отдельными группировками, они, тем не менее, смогли выработать идеологическую систему, которая оказала существенное воздействие на все последующие поколения консервативных идеологов и практиков. В русском консерватизме уже в самом начале XIX в. четко прослеживается магистральное направление, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, имперский патриотизм и, на определенных этапах, русский национализм. Наиболее развитые, классические формы русского консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы "православие – самодержавие –

народность". Всякая русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные составные части этой триады (или отталкивалась от них). Однако жесткая привязка консерваторов к конкретно-исторической форме сильной власти и личная преданность ее непосредственным носителям в политическом отношении ставила консерваторов в предельно уязвимое положение. Как правило, имперская полиэтническая власть использовала "русскую партию", точнее, отдельных ее представителей, лишь в тактических целях, оста-

ваясь при этом внутренне чуждой ее идеологии и ценностям. Роль русского консерватизма первой четверти XIX в. заключается в том, что он способствовал блокированию попыток либеральных преобразований, предпринятых верховной властью: введение конституции, освобождение крестьян и реформирование религиозной сферы. Одновременно консервативно-националистическая идеология и настроения объективно стали необходимым условием для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8.
2. Ростопчин Ф.В. "Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева" // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.
3. Пушкин Е.А Письма великой княгини Екатерины Павловны. Тверь, 1888.
4. Божерянов И.Н. Великая княгиня Екатерина Павловна. СПб., 1888.
5. Богоявленский С.К. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна // Сб. Три века. Т. 5. М., 1913.
6. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991.
7. Ростопчин Ф.В. 1812 г. в записках Ф.В. Ростопчина // Русская старина. 1889. № 12.
8. Цит. по: Овчинников Г.Д. "И дышит умом и юмором того времени ..." // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992.
9. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 141. Оп. 3. Ед. хр. 35.

© А.Ю. Минаков, (minak.arkady2010@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
ЭКОЛОГИЯ
БОЛЬШОГО ГОРОДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЛЕНЭКСПО, павильон 7
20-23 МАРТА 2012

ОРГАНИЗАТОР
EXPOFORUM
КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
2012 / 2013 /

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ
ТБЭ ТВЕРДЫЕ
ВЯЗУЩИЕ
ОТВОДЫ **ЭКОЛОГИЯ**
ПРОИЗВОДСТВА НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КУРЬЕР

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МЕДИА-ПАРТНЕР
РИА НОВОСТИ

www.infoeco.ru +7 812 240 4040 (многоканальный) www.ecology.expoforum.ru